

The Rituals of Fortune Telling by Visual Images in the Stories of the People of Pskov-Pechora Obozerye and Velikorechye Regions

L. A. Yurchuk¹

¹Pskov State University, Pskov, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-2-184-193

Research article
Full text in Russian

Based on the analysis of materials from the folklore and ethnographic archive of Pskov State University, collected in the territory of the Pskov-Pechora Obozerye and Velikorechye Regions during expeditions in 1978–2018, the results of the study of the structure and components of the actional side of fortune telling with visual images are presented. The ritual is shown to be revealing traces of mythical thinking characteristic of Pskov peasants. The functional differences between the different types of fortune telling that make up this group were identified.

Keywords: ritual; fortune telling; mythical thinking; locus; verbal formula

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Yurchuk, Lubov A. | E-mail: lk2185@rambler.ru
D. Sc. (Philology), Professor

Ритуал гадания зрительными образами в рассказах населения Псково- Печорского Обозерья и Великоречья

Л. А. Юрчук¹

¹Псковский государственный университет, Псков, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-2-184-193
УДК 94(47)+801.81+291.32

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье на основе анализа материалов фольклорно-этнографического архива Псковского государственного университета, собранных на территории Псково-Печорского Обозерья и Великоречья в ходе экспедиций 1978–2018 гг., представлены результаты изучения структуры и формальных компонентов акциональной стороны гаданий визуальными образами как ритуала, раскрывающего следы мифологических представлений псковских крестьян; выявлены функциональные отличия разных видов гаданий, составляющих данную группу.

Ключевые слова: ритуал; гадание; мифологические представления; локус; приговор

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Юрчук, Любовь Алексеевна | E-mail: lk2185@rambler.ru
Доктор филологических наук, профессор

На территории Псково-Печорского Обозерья и Великоречья фольклорными экспедициями Псковского государственного университета в 1970–2010-е гг. записан большой массив повествований о гаданиях: это сообщения о способах и условиях гаданий; о связанных с ними предписаниях и запретах; составе участников; сбывшихся (в том числе в негативном ключе) предсказаниях; страшных и забавных происшествий во время гаданий.

Традиционным временем гаданий были переломные моменты календарного и производственного циклов; достоверность гаданий, приуроченных к разным датам, различалась. Материалом настоящей статьи являются святочные гадания. В народной среде они считались «грешными», связанными с обращением к нечистой силе, потому и одними из наиболее

достоверных. «На Святках разгулявши вот эта вся сужена, вот эти ряжены ходят. И вот нечистая сила орудует» (зап. в 2005 г. в д. Кирово Псковского р-на, инф. 1941 г. р.).

Гадали на всем протяжении Святков, но особенно активно – в кануны Рождества и Крещения, реже – в канун Нового года; иногда на Старый Новый год. «Для гаданий предназначался именно канун праздников, – отмечает Л. Н. Виноградова. – Русские объясняли это тем, что праздничные церковные службы изгоняют бесов, поэтому к их помощи следует прибегать накануне» [1, с. 483]. Имело значение время суток: гадали преимущественно поздним вечером, в приближении к полуночи: «А утром, наверно, ничёво не получается, так вот вечером, – ночью. Это всё ночью. Черти-то ходят ночью» (зап. в 2005 г. в д. Малы Печорского р-на, инф. 1915 г. р.).

Излюбленным местом гаданий была баня. Использовались и иные локусы за пределами обжитого человеком пространства, которые осмыслились как «швы», «входы» в иной мир: «холодная изба», гумно («рей»). Нередко гадали в доме (иногда – в доме одинокой женщины или старой девы), рассматривая такой тип гаданий как наиболее безопасный для участников, состав которых указывает на матримониальный характер большинства святочных гаданий. Отмечается запрет на гадание замужним: «А молодухе ч ёрт с рогам пришёл. Замужем живёт, и ей чёрт с рогам пришёл в зёркало. Няльзя: жанатая – и гада́я» (зап. в 1999 г. в д. Новожены Пыталовского р-на, инф. 1924 г. р.). Не разрешалось гадать и не вошедшим в брачный возраст девушкам. Зато, по воспоминаниям старожиллов, активно гадали «паровые девки» / «пожилые девочки» / «девки старые» (Пск.), рисковавшие выйти за верхнюю границу возраста, предписанного традицией для вступления в брак.

В основе обряда гадания лежит народная вера в то, что в случае полного выполнения предписанных действий гадающий может получить некий «знак судьбы» и, верно истолковав его, узнать свое будущее. Соответственно, ритуал гадания включает в себя три этапа: подготовка к гаданию, получение «знака судьбы» и его толкование.

Способов гаданий славянская традиция знает множество. Ученые, обращавшиеся к вопросам их классификации [2–6], обычно выделяют гадания жребием, сном, звуковыми, зрительными образами. Последние и станут предметом нашего изучения. Рассмотрим структуру и формальные компоненты акциональной стороны данного вида гаданий как ритуала, раскрывающего следы мифологических представлений псковских крестьян.

При гадании зрительными образами в качестве «знаков судьбы» на территории Псково-Печорского Обозерья и Великоречья выступают отражения в гладкой поверхности (вода, зеркало), форма, которую принимают вылитые в холодную воду расплавленный воск, олово, очертания тени на печи или стене и характер вмятин на снегу. Такой набор способов гадания соответствует восточнославянской и, прежде всего, русской традиции.

Гадание по отражению в гладкой поверхности

Гадание по отражению в воде. На рассматриваемой территории гадания по отражению в воде широко распространены. «Значительная роль воды в гаданиях связана с ее осмыслением как границы между «здешним» и «нездешним» миром, а также среды обитания духов, способных предсказать будущее. Актуальными оказывались здесь такие свойства воды, как возможность получить отражение в водной поверхности» [7, с. 386]. Гадали, главным образом, в пространстве дома: если о высматривании «жениха» в проруби и в колодце (в колодец бросали кусочек свечки «из церкви») свидетельствуют единичные записи, то о гадании в доме – 95 рассказов.

Гадать надо было в уединении (это требование повсеместно нарушалось), соблюдая молчание («Вот если я смотрю внимательно, то мне никакому разговору. <...> Хоть смешно делается, тогда уходишь» {Печ.}).

Набор предметов, которые использовались в таком гадании, в рассказах информантов несколько варьируется, но обязательными его элементами являются стакан с водой, обручальное кольцо и свеча/свечи либо лучина. Символ брака, кольцо рассматривается как оберег от нечистой силы, его семантика основывается на «магии круга» [8, с. 352–353]. Гадающий осторожно опускал кольцо в стакан с водой (иногда – на нитке / на волосе / выпустив изо рта), после чего произносил приговор и всматривался в кольцо (иногда часами, «до одури») в надежде увидеть «суженого»/«сужену»/«суженого-ряженого»/«судьбу». «Суженый» должен был появиться в кольце лишь в тот год, в который гадающему предстояло вступление в брак.

Помимо знаков предстоящего замужества гадающий мог получить иное предсказание будущего: появившееся в кольце изображение гроба или креста истолковывалось как знак скорой смерти; пустые сани указывали на продолжение девичества, увидеть отца значило остаться в девках.

Среди условий получения «знака судьбы» – использование исходного объема воды («налить в него три четверти воды», «не сбавлять, не прибавлять»); имеет значение и направление, в котором зачерпывается вода («к себе или от себя»), и характеристики стакана («чтоб не были там рубчики, гладкий был», «чтоб не гранёный», «тонкий стакан без рисунка», «с совершенно ровным дном»). Часто информанты указывают на использование белой тарелки (блюдца) либо заменяющего ее чистого листа бумаги («круглого зеркальца» / «фотографии»); на них предварительно следует насыпать «щепотку золы». «Пепел – субстанция, на которую переносятся свойства сожженных предметов, как и свойства огня, очага <...> С помощью пепла обнаруживали присутствие демонов, нечистой силы, а также душ умерших вблизи человека», пепел использовался и как оберег, и (как приворот) в приворотной магии, широко применялся в разных видах гаданий [9, с. 666, 668].

Приговор, сопровождающий действия гадающего, представляет собой стандартную речевую формулу, имеющую небольшое число вариантов:

«Суженый-ряженный, приходи/появись!», «Суженый-ряженный, приходи ко мне наряженный!» и т. п.

«Нужно, чтобы была обязательно берёзовая зола. <...> Берёшь эту золу берёзовую, ложишь на чистый листок бумаги, и вот на эту золу потом ставишь стакан с водой. Туда пускаешь обручальное кольцо от родителей. Ну, в полночь и смотри туда, сам говори: «Суженый-ряженный, приходи ко мне наряженный». Например, у меня сбылось – двоих... два лица видела, и два раза замуж вышла» (зап. в 2005 г. в д. Старый Изборск Печорского р-на, инф. 1958 г. р.).

Гадание по отражению в воде воспринимается информантами как «правильное», «страшное», «очень серьезное», связанное с обращением к нечистой силе (гадали, сняв нательный крест): «Это самое страшное гадание. А так все пустяшные», «Если в бане сидеть, то там чёрт приходит» (Печ.).

Во многих нарративах названный набор гадательных предметов дополняется зеркалом («перед зеркалом этим вода стоит», «смотришь в зеркало»), на которое, по мнению Л. Н. Виноградовой, как на относительно позднюю реалию народного быта были перенесены архаические представления, связанные с толкованием отражений на водной поверхности [5, с. 20]. При этом гадание с традиционным набором «гадательных реквизитов» (вода, свечи, кольцо, зола) может быть истолковано как смягченный, менее опасный вариант гадания по отражению в гладкой поверхности, поскольку дополнение этого набора зеркалом предполагает обычно развертывание негативного сценария: «Если он покажется, надо зеркало закрывать хотя бы перед собой. Быстрее хлопнуть ево. А иначе, говорят, убивает как-то» (зап. в 2001 г. в д. Гверздонь Псковского р-на, инф. 1934 г. р.).

Еще более отчетливо негативный сценарий реализуется в том случае, если вода и кольцо в ритуале не используются.

Гадание по отражению в зеркале. Данный вид гаданий хорошо известен европейским народам [5, с. 20]. Как и в первом случае, гадать по отражению в зеркале начинали обычно до полуночи. Гадающие ставили два зеркала одно напротив другого (реже использовалось одно зеркало) и две свечи, произносили приговор, текст которого в основном идентичен приговору гаданий с водой и кольцом, и всматривались в перспективу возникающих отражений. Одна из записей указывает, что между зеркалами находилась раскрытая дверь, что, видимо, должно было усиливать коммуникативный статус созданного объекта.

Если по отражению в водной поверхности гадали преимущественно в доме, то по отражению в зеркале гадать следовало в бане (редко – на чердаке / «в холодной избе»). Смена локуса весьма значима: баня (как и иные помещения за пределами обжитого человеком пространства) воспринималась в народной среде как место обитания нечистой силы, возможность появления которой вовлекает в рассказ о гадании художественный арсенал былички («Один раз очень спужавши были – черти привиделися»

(Печ.). «Одна у нас увидела черта с рогами и с топором» (Пск.), «Можно черта увидеть, <...> а кто и заикался потом долго» (Пск.), «Может нечистая сила появиться и задушить» (Печ.).

В Палкинском районе зафиксирован диалог между гадающим и нечистой силой: «А вот в этой бане поставлено такое, как у меня, большое зеркало. Да, идти в пол-двенадцатого ночи. <...> Ну вот зеркало стоит на полку, а тыходишь и спрашиваешь: «Суженый-ряженный! Скажи, где моя судьба?» – «А, – говорит, – На той баенке, среди каменки». Соб: *Это как из зеркала кто-то вам?* С зеркала, да. «На той баенке, среди каменки». Потом маленько поговорит – сразу роги. <...> просто коровы роги, вот так выставлены» (зап. в 1995 г. в д. Качаново Палкинского р-на, инф. 1930 г. р.). Чтобы появившийся образ исчез, необходимо закрыть зеркало, перекреститься или «успеть сказать: “Чур с сего места!” Иначе он мог выйти из зеркала и задушить. Ведь это дьявол является» (зап. в д. Шелино Пыталовского р-на, инф. 1922 г. р.).

Если, рассказывая о гаданиях с водой и кольцом, информанты акцентируют момент исполнения предсказания, подчеркивая прогностический смысл гадания и его «правильность», то в нарративах о гаданиях с зеркалом внимание рассказчиков направлено на предупреждение слушателя об опасности гадания, что подкрепляется сообщениями о явлении гадающему нечистой силы в облике «суженого» или в собственном виде. В то же время содержание полученного предсказания сообщается крайне редко и носит обычно негативный характер (тюрьма, недолгий брак и т. п.). Не только образная система таких рассказов, но и их функциональный смысл (предупреждение, предписание), а также характер сопровождающих действие запретов («не оборачиваться») обнаруживает их заметное сходство с быличкой.

Эти нарративы имеют потенциал сюжетного развертывания. Так, в Островском районе записаны две былички на известный сюжет «Метка» [ср.: 10, с. 302; 6, с. 113]: жена показывает мужу кусок шинели, отрезанный от одежды «суженого», явившегося ей некогда при гадании с зеркалом; муж в сердцах убивает жену: «Раньше как-то совершалось, что, говорили, что нечистая сила бывает. И вот ишла мама говорила, что адна гадала, что вот «Суженый-ряженный, прихаді ко мне». Ну не знаю, на что ана там гадала. И пришёл афицёр. Ана взяла, на плечё, на шинели что-то выстригнула немножко. А тот дома спал, ничевó не знал. А пришёл афицёр. А патóm ана вышла за нево замуж. Смотрит, выстригнут тут, на шинели. И ана взяла, ему сказала. И это как нечистая сила уже сосмустила или подожгла, чтобы он её уничтожил. Что если ты гадала, то ты молчи» (зап. в 1996 г. в г. Острове, инф. 1932 г.р.).

Вот тот же сюжет без трагического исхода ворожбы (вероятно, редуцированного): «Адна сидела. Свеч ки еты были с церькви сняты. Вот, говорить, сижу. Затуманилось зеркала. Смотрю. Всё тихо, никого. Потом слышу,

как кто-то подошёл, говорить, сзяду ко мне. Ну вот. А кул мяня, говорить, я да́же ня зна́ла нич аво́, кул мяня, говорить, но́жни ляжа́ли. И я, говорить, забра́ла э́ты но́жни, ду́маю: датро́нуся. Датро́нулася и в шу́бы атрэза́ла, говорить, кусо́ч ек шу́бы. Да, вот. Атрэза́ла и за няво́ зáмуж вы́шла. Он при-хо́дит на гуля́нье, э́тот па́рень и говорить: “Ой (по-ма́терному заруга́лся), ни́где не был, а кто́-то мне кане́ц шу́бы отрэза́л”. Да, и вот за няво́ вы́шла зáмуж» (зап. в 1999 г. в д. Званка Островского р-на, инф. 1920 г.р.).

В записях из Псковского района устойчиво повторяется указание на необходимость надевания на себя хомута гадающим: «А от в старину́, наша ма́мка, быва́ло, говори́т, от гада́ли как? Оде́нут хаму́т лошади́ный, и от как-то по́сле 12 на́до э́тот хому́т наде́ть, пато́м гляде́ть в зе́ркало боль-шо́е, сиде́ть» (зап. в 2001 г. в д. Гверздонь Псковского р-на, инф. 1941 г.р.).

Опасностью данного вида гадания объясняется тот факт, что записей о нем в наших материалах втрое меньше, чем о гаданиях по отражению в водной поверхности; что касается гаданий с надеванием хомута, то о них знают только по рассказам представителей старшего поколения («это старинное гадание»).

Гадание по форме, которую принимают предметы, по очертанию тени и характеру вмятин

Гадания по форме, которую принимают вылитые в холодную воду воск, олово и по очертанию тени от сгоревшей бумаги принадлежат к наиболее распространенным видам святочных гаданий [5, с. 32].

Рассматривая на печи или на стене очертания тени от сгоревшей и предварительно смятой в комок бумаги, увиденное истолковывали как «знак судьбы». Печь в традиционной культуре «ассоциировалась с культом предков, осмыслялась как место обитания душ» [11, с. 40]. Примечательна следующая запись: «Сожгёшь бума́гу, вот ви́дишь: лошада́. <...> Но то́же на́до все́ духу́ призыва́ть, что “Су́женный-ря́женный, приди́ ко мне. Судьба́ ка-ка́я мне бу́дет в э́том году́”» (зап. в 2000 г. в д. Лебеж Печорского р-на, инф. 1930 г. р.).

Тень, похожая на машину, трактор, танк или корабль, указывала на профессию будущего мужа, похожая на лошадь, карету или венок – на предстоящую свадьбу, сани обещали отъезд, гроб – смерть: «На ско́вороду бра́ли бума́гу. Ско́мкаешь бума́гу– и всё, и зажига́ли э́ту бума́гу. Подно́сишь к стéнке пе́чки дере́венской и смóтришь, что там. Ё́сли гроб полу́чится, зна́чит, к поко́йнику. Ё́сли что́-то там: парохо́д или теплохо́д, зна́чит, куда́-то ты уе́дешь» (зап. в 2008 г. в д. Добычи Палкинского р-на, инф. 1936 г. р.).

Подобным образом толковали форму застывших воска, олова либо очертаний их тени. Если она напоминала венец, венок, цветы, карету, кольцо или лошадей с санями, то воспринималось как знак замужества; если возникший образ был похож на крест или гроб, гадающего ожидала смерть: «Растопим и выливали это олово в водо́у, и там в водо́у срисуется какое-то

ч удо. Тогда на постён, к стенке подносили и узнавали, шо там. Иной раз: лошадя, сани бяжа – знать, замуж выйдешь – лошадя вылились.» (зап. в 1997 г. в д. Митковицы Печорского р-на, инф. 1910 г.р.); «Потом глядим, что тама. Другая говорит: «Ой, мне фата с цвятám», а другая говорит: «А мне гроб» (зап. в 1992 г. в д. Большое Загорье Псковского р-на, инф. 1909 г. р.).

В Пыталовском районе фиксируется одна из известных русской традиции разновидностей святочных гаданий этой группы – *гадание по форме, которую принимает вылитый в стакан белок яйца, поставленный в «красный угол»*.

Гадания этой группы не расценивались молодежью как достоверные. К ним относились как к веселой игре («А верили не вове. Игрá, так вот» (Печ.)), в отношении которой не применялись те запреты (на смех и говорение) и предписания (уединение), которые строго соблюдались гадающими по отражению в гладкой поверхности: «Ну это знаете, гадания на печке. У нас такая компания была хорошая. Соберемся молодежью всей. Обычно под Рождество <...> Вот мы тарелку, и на тарелку вот так мнём бумагу, ну и зажигаешь. А печка-то белая, ну и света нету никакого. Ну и вот это вот зажгёшь и горит, да, вот смотришь, падает тень <...>. На печке там кто на коне едет, ну что там отражается: собака делается. Ну, конечно, там и смеху, и чего только нету» (зап. в 2001 г. в г. Пыталово, инф. 1934 г. р.).

Большинство текстов этой группы из коллекции по Псково-Печорскому Обозерью и Великоречью представляют собой описание действий и толкование возможных «знаков судьбы», но ни сюжетного развертывания, ни внимания к тому, сбылось ли предсказание, рассказчики не проявляют: лишь четыре из более чем 80 записей содержат информацию о сбывшемся гадании.

К данной группе относится также хорошо известное в русской традиции *гадание по характеру вмятин на снегу*. В канун Рождества после посещения бани девушки падали обнаженными на снег, а утром рассматривали отпечаток, угадывая свою судьбу в замужестве: «И в баню ходят там, и на снег раздётые лажáтся, а патóm смóтрют, какой пастён вышел. Ёсли састёбанный, знач ит, муж бить будя, ёсли гладкий, тагда не трóнет, будет жалеть» (зап. в 1999 г. в д. Усох Палкинского р-на, инф. 1930 г. р.), «Если покрылись инеем очертания этого тела, значит, будет муж богатый, а если гладко, то гладко, значит, бедный» (зап. в 1997 г. в д. Яшково Пыталовского р-на, инф. 1929 г. р.).

Другие магические способы вызвать явление «суженого»

Суженый должен показаться наяву, если:

а) *снять в бане дверь и плясать на ней*. «Ходили в байню, снимáли дьяв-ри́ну там, плясáли на дьяв-ри́ны, чтоб придё кто, так суженый» (зап. в 1995 г. в д. Усох Палкинского р-на, инф. 1898 г. р.);

б) *месту пол обнаженной и попросить суженого принести белье*. Обнажение – прием, часто используемый в гадательных практиках славян. Согласно традиционным представлениям, голый человек находится в положении «между мирами», что способствует установлению контакта с представителями «иного» мира [12, с. 356]. В рассказе, записанном в городе Острове, такое гадание приурочено к «пограничному» локусу – «холодной избе», которая не использовалась для повседневного проживания: «Муж с женой и работница была, девушка. Ну, работница дай погадать в холодной задней избы, как называли. Хазяин там спит. Ну, ана разделась наголо и мятёт пол. Ну раз адна в доме, зная, что хазяин с хазяйкой спят, и она мятёт пол и говорит: “Суженый-ряженный, принеси мне белье”. И вдруг заходит хазяин. Ана так напугалась, ей стыдно. Хазяин-то спал. Это пришл... кто там? Вот как нечистая сила иль что? Вот. И она так напугалась» (зап. в 1996 г. в г. Острове, инф. 1932 г.р.). Текст представляет собой рассказ о сбывшемся гадании, причем в нем достаточно ярко выражена идея неотвратимости предсказанной гаданием судьбы. Вопреки ожиданию, пророчество сбывается: «У хазяина жена умерла, она вышла за хазяина замуж» (иной вариант этого популярного сюжета записан в Невельском районе [6, с. 132–133];

в) *положить для суженого первый блин на стол и пригласить его на угощение*. Первый блин выполняет в данном случае роль жертвоприношения, а окно обеспечивает необходимую коммуникацию между «здешним» и «иным» мирами: «Адин спяклá первы́й блин, положи́ла сюда́, это пусть жениху́, второ́й блин спяклá и с э́тим блино́м побяжа́ла на у́лицу под окно́. И говорю́: “Суженый-ряженный! Приходи́ ко мне блины́ есть!” В акно́ смотрю́, что пришёл мой суженый-ряженный? Мо́же, мой кавале́р, а мо́же, друго́й суженый яви́лся? Какáя мо́я судьба́ есть, та́я и яви́лась. И смотрю́: сиди́ть мушчи́на. Па́рень сиди́т. Он уже́ яви́лся на блины́. <...> А ты придёшь, яво́ нет, он не сиди́т. И блин твой цел» (зап. в 1999 г. в д. Дубново Пыталовского р-на, инф. 1914 г. р.).

Подводя итоги, отметим, что в основе обряда гадания лежит народная вера в то, что в случае полного выполнения предписанных обрядовой ситуацией действий гадающий может получить некий «знак судьбы» и, верно истолковав его, узнать свое будущее. Одним из популярных на территории Псково-Печорского Обозерья и Великоречья типов гаданий было гадание зрительными образами. В соответствии с восточнославянской и, прежде всего, русской традицией, при гадании зрительными образами в качестве «знаков судьбы» рассматривались отражения в гладкой поверхности (вода, зеркало), форма, которую принимают вылитые в холодную воду расплавленный воск, олово, а также очертания тени от предметов на печи или стене и характер вмятин на снегу. Изучение материала позволило определить жанровое своеобразие и функциональное отличие разных видов гаданий, составляющих группу гаданий зрительными образами.

Рассмотрев структуру и формальные компоненты акциональной стороны данного вида гаданий, мы установили, что ритуал гаданий зрительными образами на Псковщине раскрывает некоторые следы мифологических представлений крестьян. Среди них представления о связи «здесьнего» и «нездешнего» миров, граница между которыми оказывается достаточно зыбкой в переломные моменты календарного цикла, что дает возможность установления коммуникации с представителями «иного» мира, а также вера в возможность узнать свое будущее посредством обращения к «нечистой силе» и в то, что точное выполнение связанных с ритуалом гадания предписаний и запретов обеспечивает защиту гадающего от ее негативного воздействия.

Ссылки

1. Виноградова Л. Н. Гадание // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 1 / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. С. 482–486.
2. Смирнов В. И. Народные гаданья в Костромском крае: очерк и текст. Кострома: Тип. «Красный печатник», 1927. 75 с.
3. Чичеров В. И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI–XIX веков (Очерки по истории народных верований). М.: Изд-во АН СССР, 1957. 236 с.
4. Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. СПб.: Азбука, 1963. 174 с.
5. Виноградова Л. Н. Девичьи гадания о замужестве в цикле славянской календарной обрядности (западно-восточнославянские параллели) // Славянский и балканский фольклор: Обряд. Текст. М.: Наука, 1981. С. 13–43. EDN WLXAH.
6. Площук Г. И. Рассказы населения псковско-белорусского населения о гаданиях // Мифологические рассказы псковско-белорусского пограничья: в 3 ч. Ч. 3: Тексты. Комментарии. Исследования. Аудиоприложение. Псков: Логос, 2023. С. 419–471.
7. Виноградова Л. Н. Вода // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 1. С. 386–390.
8. Плотникова А. А. Золото // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 2 / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. С. 352–355.
9. Плотникова А. А. Пепел // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 3 / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. С. 666–670.
10. Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья / сост. К. Е. Корепова, Н. Б. Храмова, Ю. М. Шеваренкова. СПб.: Тропа Троянова, 2007. 496 с.
11. Топорков А. Л. Печь // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 4 / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. С. 40–44.
12. Агапкина Т. А., Валенцова М. М., Топорков А. Л. Нагота // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 4. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. С. 355–360.